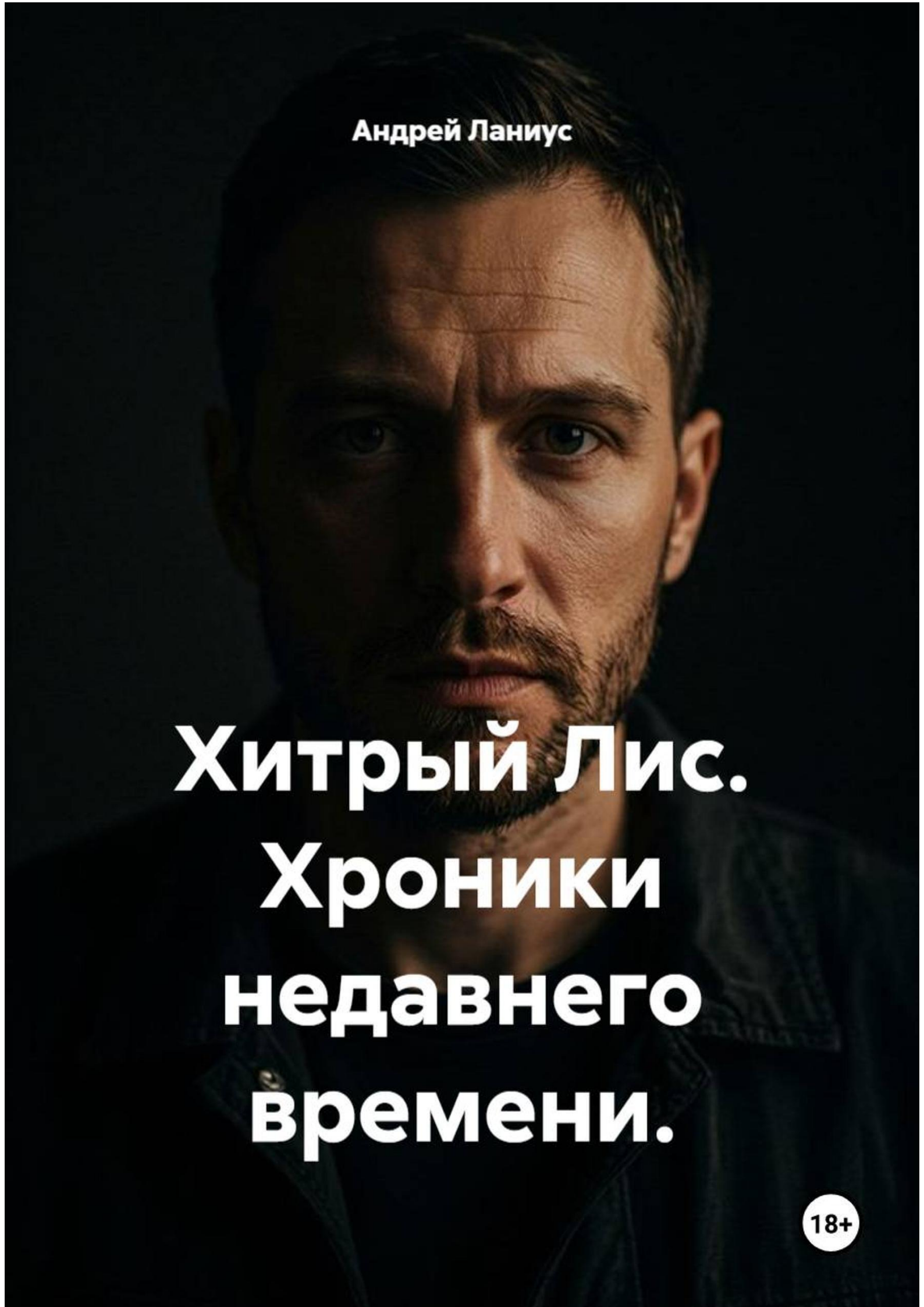

A close-up portrait of a man with short dark hair and a light beard, looking directly at the camera with a serious expression. The lighting is dramatic, with one side of his face in shadow.

Андрей Ланиус

**Хитрый Лис.
Хроники
недавнего
времени.**

18+

Андрей Ланиус

**Хитрый Лис. Хроники
недавнего времени.**

«Автор»

2026

Ланиус А.

Хитрый Лис. Хроники недавнего времени. / А. Ланиус —
«Автор», 2026

Несколько историй о человеке, его приключениях
отважных, забавных, достославных, ужасных, мистических, кроваво-детективных
в России. Сборник.

© Ланиус А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог.1992	5
Часть 1.1995 Охота на жаворонка.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хитрый Лис. Хроники недавнего времени.

Пролог.1992

События 1992-2006 (из воспоминаний выжившего в эпоху больших противоречий)

Мамалыгин встретил меня так, как мудрый отец встречает блудного сына, наломавшего где-то дров и вернувшегося домой за поддержкой.

- Ну, заходи, заходи... Что-то вид мне твой не очень нравится... Что случилось, рассказывай!

Сам он выглядел превосходно, если таковое определение приложимо к почтенному старцу, чей истинный возраст известен лишь ему самому.

Мы расположились в гостиной за столом, накрытым для чаепития, и я откровенно рассказал ему всё, умолчав лишь о наших с Викой сексуальных играх.

Мамалыгин слушал не перебивая. Когда я закончил, он молча вышел в другую комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Вернувшись после пятиминутного отсутствия, он уселся на прежнее место, налил себе чаю из своего любимого самовара и лишь тогда соизволил резюмировать, будто и не было этой томительной паузы:

- В данной ситуации, Вадим, ты поступил достойно. Меня порадовало, что ты не побоялся рискнуть, спасая мальчишку. За Антона не тревожься. Он останется у дяди Миши и его супруги. Сами они бездетные и давно уже мечтают о приемном ребенке. Так будем же считать, что бог послал им утешение на старости лет. Антону у них будет хорошо. Ты удивлен, откуда я знаю твоих соседей? Да ведь они давно работают на меня, хи-хи... погоди, к этой теме мы еще вернемся. Что касается Вики, то я уже отдал необходимые распоряжения. Мой человек позвонит из таксофона в соответствующую службу, и несчастную женщину заберут... - Мамалыгин пожевал губами, затем вскинул на меня глаза: - Остается решить твою судьбу, Вадим. В городе тебе оставаться опасно. Но, увы, и на другом конце земного шара ты не будешь чувствовать себя спокойно. Твои враги вычислили, наконец, кто есть кто, и теперь будут методично искать тебя день за днем. А это всё влиятельные люди. С широкими связями. Рано или поздно они вытащат тебя из любой, самой глубокой норы.

- Значит, я погиб? – тихо спросил я.

- Зачем же так пессимистично? – хмыкнул Мамалыгин. – Уже приняты надлежащие меры. Организован надежный «коридор». По нему тебя сегодня же переправят в одну маленькую, но весьма благоустроенную европейскую страну. Там, в частной клинике, где умеют молчать, тебе сделают пластическую операцию, после которой тебя и родная мать не признает. Кстати, туда ты поедешь по новым документам. Получишь и достоверную легенду под них. Затем переедешь в другую европейскую страну, размером побольше, но такую же благоустроенную. Легализуешься и через месячишко-другой вернешься ко мне... - Он помолчал, затем вдруг подмигнул мне: - Только не воображай, что всё это делается исключительно из гуманных соображений. Нет, Вадим! Речь идет о тщательно разработанной операции, в которой тебе надлежит сыграть ключевую роль. Не случись сегодняшней заварушки, мы всё равно реализовали бы этот план.

Мысли мои закружились хороводом.

- План? Что же это за план?

- Ты должен выполнить задание чрезвычайной важности.

- Задание Би-Ара?

- Би-Ар? – Мамалыгин весело, от души рассмеялся каким-то булькающим смехом. – Ты всё еще веришь в Би-Ар?

- Почти уже не верю, - краснея, признался я. – Но ведь я был на этой планете, видел ее ландшафты, ее города...

- Милый мой! – Мамалыгин снял очки и вытер слезы с глаз. – Современные психотропные препараты позволяют еще и не такое увидеть!

- Так это были наркотики?

- Психотропные препараты, - строго поправил Мамалыгин. – Извини, Вадим, но ты сам подсказал этот ход. Ты так восторженно верил в обитаемые миры, в космический разум, во всяких там продвинутых инопланетян, что легенда по твоему делу родилась сама собой.

- Легенда? По моему делу? – я окончательно утратил логическую нить.

- Пришла пора и тебе, Вадим, узнать правду, - торжественным тоном возвестил Мамалыгин, после чего встал и принялся ходить вокруг стола, периодически возникая за моей спиной.

Остановившись, наконец, по ту сторону стола, чуть правее самовара, он заговорил снова:

- Для начала, друг мой, послушай одну сказку. В недавние еще времена жило-было одно могущественное государство. Жило оно, скажем прямо, не шибко богато, но от голода в нем никто не помирал. И не должен был помереть, потому как недра этого царства-государства были полны всяких сокровищ. На эти богатства давно уже зарились мировые пираты. Только руки у них были коротки. Ибо для защиты от них в нашем сказочном царстве-государстве имелись надежные силовые структуры. Ну, там армия, флот и всё такое прочее. А также тайная служба, само собой. – Мамалыгин крикнул и вскинул свою розовую голову с венчиком седых волос вокруг макушки. – Позднее многие недобросовестные интерпретаторы этой сказки стали представлять тайную царскую службу как сборище опричников, доносчиков и даже палачей. Бессовестное вранье! Ибо, помимо всякого рода исполнительных, но недалеких слуг, которых немало в любом ведомстве, под ее сенью были собраны также светлые умы, блестящие аналитики и даже пророки, способные заглядывать в туманную даль! И вот однажды эти умные головы сказали примерно следующее: незыблемость устоев – это замечательно! Но мы видим, что наступают новые времена, грядут великие потрясения, к которым надо готовиться загодя, решительно сняв с глаз идеологические шоры! Да, человек (особенно наш человек) – венец природы, вместилеще разума и носитель творческой искры, но вместе с тем, при определенных условиях он, этот мыслящий человек (да-да, и наш человек тоже!) может – пускай только на время – превратиться в пустоголовую куклу, а собрание мыслящих индивидуумов – в толпу марионеток. Нельзя также исключить, что власть над этой толпой захватит недобрый кукловод, который обратит хаотичную энергию сумятицы на разрушение устоев, на разграбление собственных сокровищ! Как это ни чудовищно звучит, но подобная катастрофа, сказали наши аналитики, вполне укладывается в рамки научно обоснованных прогнозов. Так не разумнее ли уже теперь, загодя, дабы упредить подобную, хотя бы и гипотетическую возможность, воспитать собственного – этакое «буферного» - кукловода, мастера, который будет водить толпу возбужденных сограждан по кругу, умело выпуская из нее пар?

Возникла пауза, в которую я и поспешил вклиниться:

- Аркадий Андреевич, я не очень-то воспринимаю сказочный язык. Не сочтете ли вы возможным перейти на современный стиль?

Мамалыгин покладисто развел руками:

- Кто бы спорил! Так вот, Вадим... Еще в 60-х годах наши эксперты вывели, что главной проблемой конца века станут не полеты на Марс и не шторм атомного ядра, а вопросы манипулирования человеческим сознанием, методики управления толпой. В качестве практической реализации общей идеи предлагалась программа «Кукловод». Эх, если бы тогдашние лидеры дали ей ход сразу, сегодня миром рулили бы мы, а не эти разжиревшие на чужом сале заокеанские акулы! – Мамалыгин тяжело вздохнул. - Такова уж, видимо, наша планида! Мы первыми

прозреваем глобальные перемены в грядущем, но слишком долго раскачиваемся, а преимущества из наших открытий извлекают другие! А после нас же и лупят оружием, созданным на основе наших идей... Вот в чем парадокс истории! Короче, так. Лишь после череды потрясений, прокатившихся по странам Восточной Европы, еще той, *нашей* Восточной Европы, наши лидеры созрели, наконец, для того, чтобы открыть зеленый свет программе «Кукловод», да и то вдвое урезали смету...

Он подошел к окну и какое-то время стоял молча, глядя с высоты на вечерний город. Затем снова повернулся ко мне:

- Это была смелая программа, рассчитанная на двадцать лет. Ничего похожего на все прежние аналоги. Задача заключалась в том, чтобы воспитать сукиного сына, *нашего* сукиного сына, – без идеологического мусора в башке, циничного, беспринципного, эгоистичного, развращенного до мозга костей и вместе с тем яркого, талантливого, обучаемого, гибкого, энергичного, а главное – управляемого, крепко сидящего на нужном крючке. Кукловода, который, в свою очередь, сам является куклой. Но большой. Готовилось сразу несколько таких кукловодов. Не стану посвящать тебя во все подробности, скажу лишь, что именно мне было поручено подготовить кукловода для работы в писательской среде. Это сейчас писатели никто – так что-то вроде клуба безобидных балаболок. Наиболее заметных еще могут выслушать, но воспринимать их лепет всерьез станет разве что стайка экзальтированных поклонников. Сегодня это не сила. Так, баловство! А тогда... О-о-о... Писательские вечера на телевидении собирали многомиллионную аудиторию. Люди слушали, затаив дыхание, а назавтра взволнованно обсуждали услышанное со знакомыми и коллегами. Нынче в это трудно поверить, но это так! Вот почему подготовке кукловода для литературной братии придавалось исключительное значение. Только пойми меня правильно, Вадим. НЕ стояла задача вырастить из тебя гения. Да и вряд ли подобное возможно. Ты нас вполне устроил бы в качестве писателя средней степени одаренности. Тут важно было другое: внедрить тебя в литературную среду, сделать там своим, да так, чтобы ни у одного даже самого крикливого противника режима и мысли не возникло бы, что ты внедрен спецслужбой. Вот почему мы начали, как говорится, с литературной колыбели.

- То есть, вы подразумеваете, что сразу разглядели во мне сукиного сына? – криво усмехнулся я.

- Да, Вадим, - коротко кивнул Мамалыгин. – Я ведь как-никак инженер человеческих душ. И уж в тебе я не ошибся ни на йоту.

- Что ж, спасибо за откровенность.

- Ты мне сразу глянулся. Твой литературный талант – скажем так: несколько выше среднего – был очевиден. Как и твое честолюбие, твоя энергичность, достаточно яркая индивидуальность, твоя свобода суждений – но без крайностей, твоя приятная внешность, твоя зажигательная речь с оттенком ораторского мастерства, ну и твоя очевидная бедность, свидетельствующая о целом сонме неудовлетворенных желаний...

- И вы дали мне, нищему студенту, всё? Вот так сразу?

- Именно это было предусмотрено программой «Кукловод», - сощурился он. – Проводка кандидата через все мыслимые соблазны с одновременной жесткой закалкой в житейском горниле. Дабы в будущем никакие яркие чужеродные приманки, никакие мирские соблазны не отвлекли бы его от конкретной цели. Нет, Вадим, я всегда отстаивал тот тезис, что методом ограничений настоящего кукловода не воспитаешь. Будущий кукловод должен был досыта испить из чаши искушений, испытать разочарования и утраты, дойти до края пропасти и заглянуть в бездну. Его душа должна была уподобиться степи после пожара. Только тогда он смог бы эффективно выполнить поставленную задачу. С огромным скрипом, но деньги *под тебя* выделили. Одновременно я добился от руководства согласия на вживление в твой мозг микрочипа, усиливающего скрытую в тебе способность к нейролингвистическому программиро-

ванию. Чип тебе вживляли у меня на квартире, пока ты «летал» на Би-Ар. По этому поводу не волнуйся. Чип совершенно безопасен для организма.

Сказать по правде, откровения Мамалыгина представились мне большей фантастикой, чем полеты на Би-Ар.

- Выходит, я в чем-то ваше детище, так?

- Совершенно верно, - кивнул Мамалыгин. – Ты – мой Голем, мой порученец, и потому очень и очень дорог мне. Но давай пока воздержимся от общих выводов. Ты получил еще не всю информацию.

- Так продолжайте.

- Итак, ты получил средства, чтобы жить на широкую ногу, и особый дар. Теперь нужно было посадить тебя на крючок. Желательно сразу. Эту акцию я поручил одному из лучших своих агентов – Санычу...

- Что-о-о?! Саныч был вашим агентом?!

- Одним из лучших. Кстати, Саныч великолепно владел методом НЛП. Это ведь он, идя за тобой в первый вечер, побудил тебя зайти в «Волну» и сесть за любимый столик Кителя. В сущности, он и организовал вашу первую ссору...

- Но зачем?!

- А затем, чтобы Китель ополчился против тебя. Мы рассчитывали, что загнанный в угол, ты придешь к мысли расправиться с ним. Или же, что вероятнее, сам Китель заставит тебя расправиться с кем-либо из своих врагов. Вот тут мы и заполучили бы на тебя компромат. Посадили бы тебя на пресловутый крючок. Заодно избавили бы общество от обнаглевшего хапуги. Но поначалу эта схема не сработала.

«Саныч – агент, владевший НЛП», - крутилось у меня в голове. Эту информацию еще надо было осмыслить. Она многое в этой истории расставляла совершенно иначе.

- А Алина? Она тоже была вашим агентом?

- Ну, ты прямо как те параноики, которым повсюду мерещатся агенты КГБ! – рассмеялся Мамалыгин. – Нет, Вадим. Алина, твоя первая женушка, была обыкновенной ресторанной шлюхой. А моих агентов можно пересчитать по пальцам одной руки. Просто мы умели работать.

- Пойдите... - я потер лоб. – Если Саныч – ваш агент, то почему после ареста Кителя он надолго исчез?

- Поначалу он был нужен в другом месте, а затем... - Мамалыгин помрачнел. – А затем случилось то, чего мы не допускали даже в самом страшном сне. Рухнула империя! Помнишь, я тебе говорил, что мы слишком долго запрягали? И вот нас снова обскакали-обокрали. Сперли нашу блестящую идею! Пока мы раскачивались, пока только закладывали в инкубатор будущих кукловодов, они – наши вечные недруги – уже вывели собственную популяцию. Вот когда нам аукнулись все эти винные и колбасные очереди, нерешительность обкомовских вождей, слюнтяйство последнего генсека... Рухнула империя! В одночасье... Будто колосс на глиняных ногах... - Он смахнул слезу и следом хихикнул: - А знаешь, в чем абсурд? Еще до катастрофы программу «Кукловод» закрыли, всякое финансирование прекратилось, специалистов выставили на улицу. Меня, Вадим, тоже уволили. В один день, с ничтожной пенсией. Представляешь? Хорошо, хоть квартиру не отобрали. А Ивана Ивановича помнишь? Это и был главный руководитель программы «Кукловод». Тоже турнули мужика. А на следующий день он выбросился из окна. Седьмой этаж. Считай, переселился на Би-Ар. Впрочем, быть может, он выпал не по своей воле.

- Поэтому и мой счет в сбербанке оказался пустым?

- Да, Вадим, именно поэтому. Скажу тебе, сынок, откровенно: даже я, человек, прошедший Крым, Рим и медные трубы, оказался на грани депрессии. Был момент, когда я всерьез размышлял: а не пустить ли мне пулю в висок? Но минутная слабость прошла, и я сказал себе:

Мамалыгин! Тебе ли поддаваться паническим настроениям?! Разве мало было профессионалов, которые в трудную минуту умели брать всю инициативу на себя? «Моргун» Холл, которого называли «лучшим английским мастером шпионажа периода Первой мировой войны», не вымаливая санкций у своего правительства, создал собственную агентурную сеть на материке... Лоуренс Аравийский, предоставленный сам себе, успевал будоражить весь Ближний Восток... Кендзи Доихара, которого еще при жизни называли «японским Лоуренсом», имел собственных агентов в Китае, в Сингапуре, в Индии и в Бирме, агентов, о существовании которых не знали в Токио... А тебе Мамалыгин, с твоими навыками и опытом, слабо, спросил я себя? Да, тебя выставили на улицу, не взирая на твои заслуги, но голова-то у тебя на плечах! Бери ответственность на себя! Действуй! Создай собственную локальную сеть агентов! Тем более что тебе, одному тебе, известна некая тайна чрезвычайной важности! Добудь с помощью своих агентов этот секрет, и тебя позовут обратно! С почетом и уважением!

Никогда прежде я не видел, чтобы у него так лихорадочно блеснули глаза.

- Вы – сумасшедший! – вырвалось у меня.

В голубоватых зрачках за сильными линзами очков снова вспыхнули яркие искорки. Он рассмеялся:

- Не волнуйся на это счет. Никогда еще у меня не было такой ясной головы! Однако слушай дальше. После того, как прошла минута слабости, я составил план действий. Прежде всего было необходимо обеспечить финансовую базу. Моих скромных сбережений хватило бы разве что на похороны. А дело, которое я замыслил, требовало внушительных средств. И тогда, друг мой, я снова вспомнил о тебе, - он захихикал.

- Обо мне?!

- Помнишь, ты прибежал ко мне в панике: счет закрыт, жить не на что! Я отделался тогда туманными намеками, но колесо уже завертелось.

И тут я догадался:

- Это вы подослали ко мне Саныча?!

- А кто же еще? – снова хихикнул Мамалыгин. – Я разыскал верного Саныча, тоже перебивавшегося случайными заработками, поручил ему войти к тебе в доверие и соблазнить тебя старинной магической формулой: «грабь награбленное!» Саныч блестяще справился с заданием. Золото и камушки потекли рекой. Правда, ты, Вадим, не знаешь одной пикантной детали. Всю добычу Саныч сначала привозил мне. А уж я сам распределял ее – кому сколько. Львиная доля уходила в фонд будущей акции. Но могу тебя утешить. Себе лично я не взял ни копейки. На тертую морковку мне вполне хватает пенсии.

- Значит, это вы поручили Санычу убить Алину?

- Я?! Зачем?! – вполне натурально удивился Мамалыгин.

- Чтобы превратить мою душу в выжженную степь...

Он скривился:

- Вадим, не нужно толковать мои идиомы так уж буквально. Я не давал такого задания. А Саныч в этом плане никогда не проявлял инициативы. И вообще, как следует из его рапорта, он нашел ее уже мертвой. Я же не говорю, что это мог сделать ты... У тебя, между прочим, были более веские причины устранить эту даму.

- Выходит, Саныч всё время обманывал меня? Втерся в доверие... А вот Инна сразу раскусила его.

- Кстати, насчет твоей Инны... Вот кто был бы полезен для нашего дела! Харизматическая личность! Стальная хватка! Железная леди! – Мамалыгин облизнулся. - Могу признаться, что у меня были планы завербовать ее. Я поручил Санычу тайно собрать на нее компромат, дабы наша с ней приватная беседа была более обстоятельной. Очевидно, Саныч сработал на этот раз грубовато. Где-то слегка засветился. Инна, похоже, что-то смекнула, вот и решила ловким контрвыпадом избавиться от всех поблеем – убрать тебя, и Саныча, прихватить все

денежки и раствориться на просторах Шенгенской зоны. И сделала это достаточно чисто, - в голосе старого лиса слышались нотки уважения. - Полагаю, именно она натравила на тебя Инженера с его бандой. Очевидно, обосновавшись на новом месте и узнав, что ты был всего лишь ранен и уже идешь на поправку, она решила произвести окончательную зачистку... - он снова облизал свои тонкие губы: - Ах, какой материал пропадает! Какого ценного агента можно было бы воспитать из этой хваткой леди! Впрочем, думаю, она еще не потеряна для нашего дела.

- Как же! Вторая Мата Хари! - сыронизировал я.

- Что-о?! - Мамалыгин брезгливо поморщился. - Мата Хари, к твоему сведению, это блеф! Обыкновенная танцовщица, которая впуталась в беду по собственной глупости, да так и не сумела из нее выпутаться. Что-то вроде твоей Алины. Как можно сравнивать с ней настоящих агентов?! А ведь были у нас поистине легендарные женщины-агенты! Одна Ольга Чехова чего стоит! Когда обманутый ею Геринг вломился для разборки в ее будуар, то обнаружил там к своему великому смятению фюрера, попивающего чай в домашней обстановке! Вот из каких кругов она качала информацию! А Елизавета Зарубина, она же мадам Вардо! А Лидия Чкалова, она же госпожа Сталь! А Зоя Рыбкина-Воскресенская! Вот это были женщины! Красавицы, обольстительницы, умницы! Твоя Инна, между прочим, той же закваски!

- При случае обязательно передам ей ваши комплименты, - заметил я.

- Напрасно ерничаешь, - сощурился Мамалыгин. - Не исключено. Что у тебя еще будет возможность пообщаться со своей женушкой. Ведь официально она всё еще числится твоей супругой, так? Впрочем, это дело будущего. А пока давай вернемся к нашим баранам.

Во мне вдруг остро вспыхнула надежда, что всё это розыгрыш - сродни литературному.

- Аркадий Андреевич, вы не шутите?! - взмолился я

- Голубчик, какие могут быть шутки в агентурной работе! - всплеснул руками Мамалыгин. - Всегда, во все времена, все крупные разведки мира вкладывали уйму сил и средств в агентов, от которых в будущем ожидали серьезной отдачи. Не ты первый, не ты последний! Я мог бы рассказать тебе массу историй на сей счет, но за недостатком времени ограничусь только одной. А уж выводы делай сам.

Завязка истории произошла в городе Вена в 1922 году. Одному из зубров нашей разведки попался на глаза бедный юноша из польских евреев. Считай, что этот наш зубр был ясновидцем, который сквозь дымку времени прозревал нить судьбы неимущего эмигранта. Юноша мечтал выучиться на зубного врача и выйти в люди, но у него не было средств, чтобы платить за обучение. И тогда наш зубр добился того, чтобы деньги на учебу юноши дала родная разведка. Заметьте, время было голодное, не хватало самого необходимого, но средства под проект «Шахматист» всё же были выделены.

- «Шахматист»? - переспросил я.

- Такое кодовое имя получил этот юноша. Шло время. Юноша получил диплом, начал работать, затем переехал в США, обосновался там на западном побережье, женился, обзавелся клиентами, - словом, вышел в люди. Его не трогали. Но продолжали оказывать материальную помощь. Конечно, не в таких размерах, как тебе, но всё-таки... Никаких заданий он не получал. Но на крючке его держали. Мягко. А затем случилось вот что. Американцы запустили проект «Манхэттен». Да-да, атомная бомба. Одним из отцов-создателей которой был физик Оппенгеймер. И вот, представь себе, вдруг оказалось, что жена Оппенгеймера - близкая подруга жены нашего «Шахматиста»! Как тебе совпадение, а?! Для «Шахматиста» настала пора платить по старым долгам. И он рассчитался сполна. Половину атомных секретов мы получили через этого агента. Это сэкономило нам несколько лет и огромные средства, которые пришлось бы потратить на исследования.

- Пойдите! - я с силой помассировал свои виски. - Не хотите же вы сказать, что этот ваш зубр еще тогда, в Вене, понял, что этот юноша...

- Я хочу сказать, Вадим, - перебил меня Мамалыгин, - что я в тебе не ошибся. Для тебя тоже пришла пора отрабатывать свои долги. Твое задание будет, быть может, еще более ответственным, чем то, которое выполнил «Шахматист».

- А если я откажусь? Вот встану сейчас и уйду? И больше никогда не переступлю порога этого дома?

- Я не собираюсь проникаться вашими идеями! Плевал я на них! Не хочу, понимаете?! Просто не хочу!

- Не хочешь – заставим! – по-отечески улыбнулся Мамалыгин. – Ладно, Вадим, пошутили и хватит. Давай по серьезному. Я ведь сделал тебе ряд прозрачных намеков, неужели ты не осознал? Ну, тогда извини... Придется от политики пряника перейти к политике кнута. А что делать? Сам напросился, - он достал из ящика стола дискету и помахал ею в воздухе:

- Знаешь, что это? – теперь его взгляд сделался колючим. – Досье на некоего Ромоданова Вадима Федоровича. Знакомое имя, верно? Тут собрана по кусочкам вся его жизнь, включая прегрешения, многие из которых подпадают под действие уголовного кодекса не только РФ, но и развитых стран. Например, по идиотскому американскому законодательству Ромоданову полагается по совокупности 499 лет тюрьмы с правом обжалования приговора после отсидки половины срока. Как перспектива? Ну и так далее. Надеюсь, ты не забыл, Вадим, что твоя шайка грабила и терроризировала подданных не только собственной страны? Не забывай также и о том, что на тебя охотятся местные авторитеты. Ну, иди на улицу, если хочешь. Но знай, что это будет твоя последняя прогулка. Самое малое через час они тебя схватят. Увезут куда-нибудь и начнут пытать. Самыми изощренными методами. Такого молодого, здорового, талантливого! И вот что обидно: даже извиваясь под пытками, ты не сможешь выдать им старикашку Мамалыгина. Ибо накануне твоего гордого ухода из этой комнаты коварный старикашка заблокирует твою память. Подумай, Вадим... Тебе это нужно? – он сочувственно посмотрел на меня: - Один только я могу тебя спасти. И спасу, если ты не будешь совершать ненужных телодвижений.

Я откинулся на спинку кресла. Мой лоб был в холодной испарине.

- В чем будет заключаться мое задание?

- Не торопись поперед батьки в пекло! – подмигнул он мне. – Вот вернешься после пластической операции с новыми документами, тогда и обсудим твое задание. А пока, - он придвинул ко мне стопку бумаги, катнул ручку, - напиши дарственную на свою квартиру, дачу и прочее имущество, которое ты даришь своему приемному сыну Антону Балашову. Укажи также, что опекуном мальчика до его совершеннолетия ты желаешь видеть Черных Дмитрия Сергеевича.

- Черных?! – я вздрогнул.

- Знакомая фамилия? – улыбнулся мой мучитель. – Ну, да. Ведь Ромоданов – это твоя фамилия по матери. А Черных – это фамилия твоего отца, который оставил вас еще до твоего рождения. На похоронах отца ты встречался с его второй семьей, в частности, со своим сводным братом Алексеем, так? Отчего бы не предположить, что у твоего отца когда-то была еще и третья семья, в которой и родился мальчик Дима? Всё логично. Вадим Ромоданов, опасаясь преследования со стороны мафии, уезжает навсегда, скажем, в Аргентину и оставляет всё нажитое приемному сыну, назначив опекуном своего родственника по отцу.

- А если этот Инженер начнет наезжать на Антона?

- Это я беру на себя, - пообещал Мамалыгин. – К твоему возвращению мы разрулим ситуацию. И не беспокойся за пацана. Мы воспитаем из него патриота. Настоящего! Каким был его героический отец! А теперь ступай.

- Дядя Миша тоже ваш агент? – догадался я.

- Степан, дядя Миша – это всё наши люди. Старые, проверенные кадры, - кивнул Мамалыгин. – Их давно уже вывели за штат. Я снова взял их на кошт, привлек к работе. Нет, они не оперативники. Просто информаторы. Но свое дело знают туго.

Я поднялся.

- Не ищи внизу свой «Мустанг», - предупредил Мамалыгин. – Эта машина засвечена. Я распорядился, чтобы ее отогнали к путепроводу. А ты садись в «Нисан» с затемненными стеклами. Водитель доставит тебя к «Волне». Знакомое местечко, верно? В некотором роде даже символичное, согласен? Зайдешь туда на несколько минут и распустишь слух, что тайно отбываешь в дальние края. В Аргентину, например. Только сделай всё тонко, полунамеком. Это всегда выглядит достовернее. Если человеку надо исчезнуть, то его след должен уводить в никуда. Можешь задействовать свое биополе. Но в меру. Выйдешь через черный ход. Машина – другая - будет ждать возле калитки. НЕ думаю, что Инженер так быстро сядет тебе на хвост, но всё же береженого Бог бережет. – Он пристально посмотрел мне в глаза: - Не пытайся скрыться от меня, Вадим! Пардон, уже Дмитрий... Не забывай о микрочипе, который вживлен в тебя. Я найду тебя всегда и везде. Ну, есть еще вопросы?

- Есть. Почему Китель узнал меня? Ведь вы сами обработали его блокиратором?

- Даже египетские пирамиды бессильны перед ходом времени. Даже грандиозные дамбы постепенно размываются струйками воды. Да и секреты человеческой психики изучены пока лишь приблизительно. Надо полагать, состояние стресса, в котором Китель находился долгие годы, постепенно подточило блокировку. После этого любая мелочь могла дать ход цепной реакции восстановления памяти. Например, вид твоего уха с отрезанной мочкой... Кстати, - всполошился он, - скажи им там, в клинике, чтобы обязательно ликвидировали этот дефект. Спасибо, что напомнил!

Я уже был у порога, когда он снова окликнул меня:

- Сынок, помнишь, ты рассказывал как-то про автохтонные волны?

Клянусь, я никогда не говорил с ним об этом! Но я уже перестал чему-либо удивляться и сейчас просто ждал продолжения.

- Эти волны и вправду проходят через хаос жизни, упорядочивая на своем пути причины и следствия, - услышал я далее. – Сейчас, например, тебя подхватил настоящий автохтонный вихрь. Не противься ему, и он вынесет тебя к нужному берегу. А вообще-то тебе пора бы уже узнать, что эти вихри возникают не сами по себе. Есть личности, которые умеют создавать эти стремительные потоки, упорядочивающие хаос. В недалеком будущем и ты окажешься причастным... - тут он махнул мне рукой: - Ну, довольно! Ступай...

P.S

- А ты правильно сделал, что сначала рассказал мне про семь чудес Белособорска, - сказала Дина. – Теперь я не удивлюсь и вашему оборотню. Наверное, он тоже какой-то особенный?

- Ты зришь прямо в корень! – кивнул я. – Других таких существ, думаю, нет более нигде на планете. Ибо *наибелособорский* оборотень это некий симбиоз крокодила и волка. От крокодила у него туловище, пасть и лапы. От волка – когти, уши и мощный загривок, покрытый рыжей шерстью и придающий оборотню своеобразный “горбатый” силуэт. По некоторым сведениям, он умеет перемещаться на двух задних лапах, и тогда делается похожим на человека, но человека карикатурного, каких нет в природе.

Вообще-то, о нем, этом чудище, существует великое множество преданий и легенд, уходящих далеко-далеко вглубь веков. Некоторые из этих мифов явно противоречат друг другу. Насколько мне известно, Алешка капитально занимался этим фольклором и даже подготовил толстенную монографию, вот только не знаю, сумел ли он ее издать. Ведь там добрых тысяча страниц, не меньше. Но ты, милая, не волнуйся, я не собираюсь пересказывать тебе весь этот

массив, а расскажу только один наиболее популярный сюжет, каких он запомнился мне еще в отрочестве...

Но сначала поднимем бокалы за наш праздник, за то, чтобы он всегда оставался с нами!

Дина поддержала тост, и я приступил к повествованию, о котором не вспоминал уже лет двадцать.

- Наш древний Белособорск, к середине 18 века был небольшим поселением, хотя и с приличной родословной. Именно тогда граф Василий Половецкий, отличившийся в ходе войн времен Екатерины Великой, был по делам службы в Белособорске. Здесь граф встретил дочь местного помещика Анастасию-девушку неземной красоты. Граф был известным повесой, но тут, как говорится: «Слепой Амур в меня пустил стрелу ты, и закипела молодая кровь!». Граф предложил Анастасии стать его женой. Любовный роман длился недолго и имел счастливый конец. Граф увез молодую жену в Петербург, но вскоре выяснилось, что север вреден для неё, а кроме того, красавица затосковала по родным местам. И так безгранична была любовь графа, что он предпочел расстаться с карьерой и поселиться в Белособорске. Осмотрев свою новую вотчину, Василий Половецкий решил возвести достойный его положения дворец на Папоротниковой горе, а вокруг разбить парк по всем канонам декоративно-садового искусства. И порешил он также назвать этот парк именем горячо любимой семьи.

И графу приглянулась Папоротниковая гора. Подходы к ней и сейчас изрезаны глубокими оврагами, склоны которых заросли папоротником и крапивой выше человеческого роста. А что там было двести с лишним лет назад? Легко понять, почему окрестные крестьяне обходили её стороной.

Овраги графа не смущали. Через них он предполагал перебросить мосты, что придавало бы усадьбе неповторимый колорит. Вдобавок земля вокруг горы была тучной и местность открытой, словом, разбивка парка требовало минимальных усилий. Казалось складывается все превосходно...

Строительство еще не началось, когда к графу явилась древняя старуха и суровым голосом возвестила, что если тот хочет избежать множества несчастий, то должен незамедлительно отправиться на поклон к святому старцу-волхву, чей скит находится в лесу за Старощанскими болотами. Дело в том, продолжала старушка, строго поводя очами, что Папоротниковая гора-обитель всякой нечисти, которая собирается здесь на свои шабаши в каждое полнолуние. Большая сила стоит за этой нечистью, одной молитвой с ней не сладить. Только святой старец знает способ, как очистить Папоротниковую от скверны.

Граф хотел что-то уточнить, поднял глаза на старуху, а той уже и нет, словно испарилась!

Половецкий не страдал склонностью к суевериям, человеком был просвещенным, вольнодумцем, читал Вольтера, посмеялся над суеверной старушкой.

Работа закипела. Были приглашены лучшие мастера из Москвы и Питера, даже из Италии.

Скоро, конечно, только сказка сказывается, и все же, благодаря энергии и червонцам графа, дворец с прилегающими постройками поднялся над Ракидоном в небывало короткий срок. Над оврагами пролегли мосты и мостики-цепные и висячие, китайские и венецианские... В наиболее живописных уголках выросли ротонды и беседки, появились пруды с лебедями и зеркальными карпами, а с зеленых лужаек на все это любовались мраморные скульптуры эллинских богов и героев. Рукотворная красота как бы заслонила собой диковатую прелесть природы.

Работы по благоустройству парка, понятное дело, продолжались еще долгие годы, но славу он завоевал быстро. Многие знаменитости делали немалый крюк, чтобы полюбоваться красотами новой жемчужины и вкусить от радушного хозяина. Впрочем, граф любезно принимал и своих соседей—мелкопоместных дворянчиков и полуразорившихся помещиков. Одни гости спешили на очередной бал, где неизменно блистала юная графиня, напоминавшая своим

обликом языческую богиню Артемиду, другие торопились на охоту, которую граф нередко устраивал в своих владениях и которая почиталась не хуже царской, третьи, запутавшись в хозяйственных делах, надеялись на крупный займ или хотя бы на заступничество.

Словом, и в этом захолустье, закипела жизнь.

Но вот с некоторых пор по окрестностям Белособорска пронесся слух о появлении страшного оборотня. Шепотом передавали, будто это огромный волк с железной шкурой и мордой крокодила, на котором горят кроваво-рубиновые зрачки. Он всегда нападает из темноты, но щелканье его кинжальных зубов жертва слышит издалека и столбенеет.

И еще одна малоприятная, но важная особенность: обычные оборотни, как известно, впииваются своим жертвам в горло, этот же разрывал несчастным живот.

- Оборотень-извращенец?

-Вроде того. Число его жертв росло. Граф, как самое влиятельное лицо в округе, распорядился устроить облаву на лютого хищника и сам возглавил охоту.

В свите графа был красивый молодой человек не то итальянского, не то греческого происхождения. Звали его, если мне не изменяет память, Филипп Гивиани или Гавиали. Словом, что-то в этом роде. Этот красавец пользовался полным доверием графа и вскоре стал, говоря современным языком, его пресс-секретарем. Именно Филиппу граф поручил организовать облаву.

Загодя, еще до захода солнца, группа всадников, среди которых был и граф, выехала к месту предполагаемой засады—к опушке дремучего леса. Не помню, что именно там произошло, но за время этого вечернего бдения Филипп неосторожно выдал себя. Его спутники с ужасом убедились, что один из самых доверенных людей графа и есть тот самый неуловимый оборотень. В следующий миг он был схвачен и крепко связан. Бывалые люди из челяди предполагали поступить с ним по обычаю предков: вбить в сердце осиновый кол, отрубить голову и правую руку, а тело сжечь.

Но граф, чья возвышенная душа противилась средневековой жестокости, повелел попросту повесить разжалованного секретаря на ближайшей осине, а труп затем закопать.

Совершив праведную казнь и воздав Господу молитву, всадники поспешили с радостной вестью домой.

Но перед дворцом охоту встретили плачем, стенаниями и воплями. Долго ни от кого не удалось добиться слова. Наконец, горничная графини призналась, что примерно полчаса назад, когда она со своей госпожой возвращалась из беседки, на них набросился огромный оборотень-волк с крокодиловой пастью. Ей, горничной, удалось героически бежать, а графиня... И горничная упала в обморок.

Граф, однако, уже все понял и, не чуя под собой ног, помчался к лужайке, расположенной с тыльной стороны дворца, через которую проходила тропинка, ведущая к любимой беседке графини. Анастасия лежала на зеленой траве, широко раскинув руки. Оборотень надругался над ней с той же жестокостью, что и над другими жертвами. И граф нашел кусок полотна, прикрыть её кровь и грязь...

Несколько ловких людей графа поскакали к месту недавней казни. Тайное захоронение было разрыто, труп исчез. Все стало ясно, как божий день.

Граф был мужественным человеком, а удары судьбы делали его только сильнее.

У гроба жены он поклялся, что не пожалеет ни сил, ни средств, ни самой жизни, лишь бы изловить кровавого оборотня и покарать его по своим заслугам. Но сначала требовалось достойно похоронить графиню. Но это оказалось непросто.

Дело в том, что в те суровые времена жертвы вампиров и оборотней приравнялись к самоубийцам, а тех воспрещалось хоронить на кладбищах и погостах и даже в фамильных склепах, невзирая на самое высокое происхождение. Как правило, могилки этих несчастных прятались в самых нехоженных местах—на склонах крутых оврагов, на заросших пустошах у болот.

Граф не мог поступить вопреки обычаю. Анастасию похоронили за дворцом ,в укромном уголке рядом с оврагом, неподалеку от тропинки, где её подстерегла смерть. Надгробный памятник в виде насторожившейся Артемиды изваял и отлил из бронзы известный итальянский скульптор. Кстати эта статуя до сих является одной из основных достопримечательностей парка.

После гибели графини оборотень исчез, то ли насытившись кровью, то ли убоявшись возможной расплаты. Но это не успокоило и не поколебало решимости графа Половецкого. Он готов был искать нелюдя повсюду, даже если тот перебрался в американские колонии. Но ,обладая аналитическим складом ума, он понимал, что к поискам фантома надо как следует подготовиться. Его поверенные побывали во всех университетских центрах Европы, где скупали, а то и выкрадывали старинные рукописи, в которых речь шла об оборотнях и способах борьбы с ними. Приобретались также серебряное оружие, заговоренные пули, освященные оковы и всё такое прочее. К графу зачастили странные гости из разных краев—в развевающихся одеждах, в балахонах и капюшонах, видом похожие на колдунов и магов .Долгие часы граф проводил в тихих беседах с ними.

- А оборотень?

-Оборотень объявился снова лишь через несколько лет.К тому времени Белособорск заметно разросся,превратился из захолустного поселения в оживленный городок,окруженный кольцом деревенок.Так что вампиру было где порезвиться.

Действовал он внаглую, сам лез в засады, будто поддразнивал графа. Граф лично всадил в него восемь серебряных пуль, а однажды располосовал ему бок серебряной саблей, но проклятый оборотень воскресал снова и снова.

И только тогда граф вспомнил о святом старце и отправился к нему на поклон.

С трудом отыскал он в дремучем лесу вросшую в землю избушку.

Навстречу ему вышел благообразный старец с длинной седой бородой и лучистыми синими глазами, которые словно прожигали насквозь.

Старец опирался на посох какой-то странной волнистой формы.

Приглядевшись, граф понял, что посох изображает стилизованную ящерицу, а набалдашник – ее разверстую пасть.

И сказал ему отшельник:

“Долго же я ждал тебя. Знаю зачем ты пришел .Знаю и то, почему ты не можешь одолеть нечистую силу. Это не простой оборотень. Весь ад стоит за ним. Он и послан адом, чтобы вернуть Папоротниковую гору ”...

“Как мне поступить с этим страшным существом?! – воскликнул граф

“Не беспокойся, граф, я научу тебя, как избавиться от оборотня, - молвил старец. – Возьми это”— и старец снял со своего пальца витой перстень и вложил его в ладонь графа.Но едва старец отнял свою руку, как витки перстня分离лись друг от дружки.

“Ты должен собрать его сам, - огладил бороду старец. – Только тогда в тебя войдет высшая сила,только тогда одолеешь посланного сатаной. Собрать перстень дело нелегкое,и заниматься им нужно не с холодным рассудком, но с горячей верой. Однако собрать перстень это еще не все.Перстень-лишь свидетельство силы твоей воли. А воля воплощается через орудие.О таком орудии ты должен позаботиться сам.Возьми того же металла,из которой отлита статуя графини. Сходи также на Ярмарочную улицу, в мастерскую медника Григория, покажи этот перстень и закажи капкан на оборотня. Григорий знает, и все сделает в лучшем виде .Он изготовит капкан в виде крокодиловой пасти и снабдит капкан сильными пружинами. Только тогда одолеешь ты оборотня”.

Разговор был поздней осенью.Обычно оборотень появлялся летом.Всю зиму граф готовился к большой охоте.

Мастер Григорий изготовил бронзовый капкан с такими страшными зубьями, что при срабатывании легко перекусывали небольшое бревно.

Кто знает, может, и исполнил бы граф свою клятву, но вскоре, ранней весной, когда повеяло первым теплом, стряслась новая беда.

Кто-то из прислуги переходил реку как раз перед дворцом и уже у самого берега провалился в запорошенную снегом полынью.

Граф был первый, кто заметил тонувшего через окно дворца.

Он тут же выскочил наружу, как был, легко одетый, бросился на помощь и сам оказался в ледяной воде.

Сбежались люди, спасли обоих, но граф сильно простудился, и ему день ото дня становилось все хуже.

И вот, почувствовав, что приближается его последний час, граф, собрав все силы, вышел из комнаты на балкон, откуда открывался вид на лужайку, где стояло бронзовое изваяние графини в виде охотящейся Артемиды, и на реку, где уже вскрылся лед.

Погода стояла жуткая, шел мокрый снег, свистел ветер, на остров Речного Зверя напозаляли крошащиеся льдины...

И закричал тогда граф, обращаясь в сторону Старощанского леса:

“Старец, слышишь ли ты меня?!”

Тотчас на вершине острова возникла благообразная фигура с длинной бородой, развевающейся на ветру.

И взмолился граф:

“Послушай! Я знаю, что ваш род обладает чудодейственной силой! Ты почти всемогущ! Прошу, продли мне жизнь хотя бы до осени, чтобы я мог изобличить и покарать истинного убийцу моей жены! Не могу же я предстать перед своей возлюбленной Анастасией, сетуя, что она так и осталась неотомщенной! Помоги мне! А взамен проси что угодно, хоть мою душу!”

Старец находился на значительном удалении, но граф ясно видел его синие глаза и внятно слышал голос, хотя тот говорил, не напрягаясь.

“Мне не нужна чужая душа. Да и могущество мое не так велико, ведь я не Творец! Но все же я помогу тебе, человеке, пускай и не так, как ты о том просишь. Ты останешься на земле, но в виде бесплотного духа, и уже никогда не сможешь поднять оружие против злодея. Зато ты обретешь дар все видеть и слышать, повсюду незаметно проникать. Рано или поздно найдется смельчак, который бросит вызов темной силе. Тебе будет дано помочь этому смельчаку. Но только один-единственный раз, крепко запомни это! Если твоя помощь окажется удачной, заклятие с тебя будет снято, и твоя душа воспарит на небеса. Но если, граф, ты поторопишься либо ошибешься, если злодей снова возьмет верх, то скитаться тебе по аллеям парка до скончания веков! Помни: только одна попытка! Согласен ты на такое условие?”

“Благодарю тебя, старче!” – воскликнул граф, а уже через минуту упал на руки подбежавших слуг и испустил дух.

По поводу его смерти Екатерина Великая обмолвилась, что граф Половецкий умер той же смертью, что и его кумир, Петр Великий.

Но уже назавтра поползли слухи, будто безмолвную тень графа в шляпе с пером и с боевой шпагой на боку видели то в одной, то в другой аллее парка...

- Вот такая история приключилась либо могла приключиться в нашем славном Белособорске в былые времена! – этим восклицанием я завершил, наконец, свой рассказ.

- Значит, граф так и не использовал своей единственной попытки? Или оборотень совсем исчез?

- Об этом лучше потолковать с Алексеем. Мне известно, что перед смертью граф успел изменить завещание, в котором обязал прямых наследников одолеть оборотня. Увы, потомки сочли этот завет капризом чудаковатого предка. Старинные рукописи, с таким трудом собран-

ные чуть ли не со всего мира, быстро оказались в дальнем чулане, а чародеев и опытных егерей, столь почитаемые графом, взашей выгнали вон. Из поколения в поколение наследники проматывали капитал. Род угасал. Наступил двадцатый век. Во время Гражданской войны дворец несколько раз грабили, однажды он сильно пострадал от пожара. В 1922 году новая власть признала его—вкуче с парком—шедевром архитектурно-паркового искусства и взяло под свою опеку. Левое крыло дворца отреставрировали. Там создали музей, причем широко представлена тема оборотня. Чуть ли не единственная выставка на эту тему в Союзе. Как ни странно, почти полностью уцелела библиотека графа, а также его коллекция серебряного оружия. Но это отдельная детективная история. По сути, это едва ли не полное в мире собрание материалов на тему ликантропии и вампиризма. В России— точно самое полное. Конечно, могут найтись эксперты, которые заявят, что граф Половецкий, возможно, сам убил свою жену из ревности к Гавиали, с которым тоже расправился, выдав того за оборотня, и что двести лет назад у нас худо-бедно уже действовала судебная система, которую земельный магнат нарушал по всем статьям, но... Легенда есть легенда.

- А что стало с перстнем и капканом?

- Это поразительно, но они прошли через все войны и потрясения и сохранились до наших дней, но уже в виде экспонатов музея. Перстень представлен в разобранном виде. По легенде, он распался на части после физической смерти графа, и обретет свою целостность лишь после того, как дух графа посредством избранного смельчака покарает оборотня. Между прочим, еще в дни моей юности в любом городском киоске можно было купить сувенир “Перстень Старца”, или, как его еще называли, старого волхва. Семь элементов, из которых требовалось собрать единое целое. Утверждали, что это точные копии музейного экспоната. Сувениры делались из латуни, бронзы, прочих сплавов, даже из пластмассы. Порой весь город охватывала повальная эпидемия - народ часами пытался собрать эту, на первый взгляд, простую головоломку. Некоторым будто бы удавалось. Но стоило такой перстенок покатаить между пальцев, как он снова рассыпался на витки-ящерицы. А должен был сидеть как литой... Словом, секрет так и остался неразгаданным. Зато с капканом - никаких загадок. По воскресеньям, когда в музее собирается особенно много посетителей, специальный служитель демонстрирует работу этой чертовой машинки. Стекла дрожат! Механизм работает как часы, а ведь ему уже два века! Представляю, что станет с оборотнем, если он угодит в ловушку!

- И ты видел этот капкан собственными глазами?

- Десятки раз! Представь себе вот такие бронзовые челюсти, - я расставил руки подобно рыбаку, похваляющемуся крупной добычей, - усеянные рядами острых зубьев. Натуральная крокодиловая пасть. Каждая челюсть заканчивается полукольцом. Взявшись за эти полукольца, два человека, именно два, поскольку в одиночку с этим не справится никакой геркулес, заводят капкан, имеющий три статичных положения – на 90, 120 и 180 градусов.

Часть 1.1995 Охота на жаворонка.

Вторник, 19 сентября

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Приближался полдень, когда скорый замер у перрона Московского вокзала. Вот и Питер! Давненько я здесь не бывал!

Дождавшись, пока в проходе станет свободнее, я вскинул на плечо дорожную сумку, взял «дипломат» и вышел на платформу.

Неподалеку, у фонарного столба, маялся невзрачный тип в мятых брюках. В правой руке он держал желтый полиэтиленовый пакет. Я, как положено, достал платок, вытер лоб и двинулся вдоль поезда к вокзалу. Через несколько секунд тип прокаркал мне в спину:

— Извиняюсь, это не вы оставили в вагоне?

Я обернулся.

— А! Мои бумаги... Спасибо, дружище!

Он протянул мне пакет, оказавшийся довольно увесистым, и мгновенно растворился в толпе.

Мельком глянув на электронные часы над входом в вестибюль, я вдруг вспомнил, что вот-вот должна грянуть петропавловская пушка, и ощутил неодолимое желание узнать, а слышен ли ее выстрел здесь, среди вокзальной сутолоки. На меня иногда накатывает. Даже в драматических ситуациях. Вместо мыслей о главном в голову лезут всякие пустяки. И обычно я даю им поблажку.

Отойдя в сторону, я закурил, не сводя глаз с секундной стрелки.

Ну?

Бац! — донесся от Невского тугой хлопок, уверенно вклинившийся в несмолкаемый гомон. Ого! Слышно, да еще как, хотя, кажется, никто, кроме меня, не обратил внимания на это замечательное событие.

Я не спеша направился к площади Восстания, за которой в одном из корпусов гостиницы «Октябрьская» мне был забронирован отдельный номер. На семь суток. Впрочем, я рассчитывал управиться быстрее.

Человек, которого мне предстояло уничтожить на сей раз, не внушал серьезных опасений.

Как я сказал? «Уничтожить»? Хм! Это, конечно, оговорка. Я, слава Богу, не киллер какой-то и даже не знаю, где у пистолета предохранитель. Сама мысль о физическом насилии, терроре, лужах крови и изувеченных трупах внушает мне отвращение.

Я уничтожаю не людей, а их репутации, реноме, авторитеты. После проведения акции мои жертвы продолжают биологически существовать, но судьба их круто меняется. Только что рулившие по цветущей дороге жизни, они вдруг обнаруживают себя в грязном кювете. К удовольствию моего заказчика. С ними перестают здороваться, их ненавидят и презирают, им никогда уже не подняться из дерьма и даже не понять, как же они там очутились, ибо работаю я настолько ювелирно, что на меня не падает и тени подозрения. Нередко очередной бедолага видит во мне единственного друга, не покинувшего его в беде. Так, несомненно, будет и сейчас. Без проблем. В моем послужном списке всего одна осечка, да и та произошла не по моей вине, к тому же пять лет назад. Більем поросло...

Моему работодателю (если угодно — шефу, боссу, хозяину, а еще вернее, капитану нашей команды, КЭПу со всех больших букв) незачем волноваться. А он человек солидный, известный и популярный в массах, не чета вчерашней шпане, прорвавшейся к пирогу. Птица бо-оль-шого полета. Это... Ладно, о КЭПе позднее.

Уже через полчаса, приняв душ, я стоял у окна своего номера, откуда открывался вид на площадь со стелой в центре, на бесконечную транспортную круговорот, пестрые потоки пешеходов...

Закурив, я плюхнулся в глубокое кресло и достал из желтого пакета обычную канцелярскую папку.

Это было досье на известного питерского журналиста, обозревателя популярной газеты «Невская радуга» Игоря Касаева. Догадывается ли он, неутомимый хроникер нашей действительности, сочинитель расхожих мифов, репортерская душа, что его звезда уже дрожит в тумане и вот-вот сорвется в пропасть?

Папка выглядела пухлой, но, раскрыв ее, я убедился, что полезной информации в ней — кот наплакал. Большинство материалов представляли собой газетные вырезки — статьи и очерки Касаева.

Сверху лежало несколько цветных фотографий моего «протеза».

Со снимков смотрел невысокий нервный живчик. Лицо молодое, в густой шевелюре — ни намек на седину, не скажешь, что перед тобой тертый калач, разменявший два года назад свой полтинник. В карих глазах — вызов, внутренний огонь, некая одержимость... Эх, дружище Касаев! Дурья твоя башка! Ну какого рожна ты путаешься под ногами у сильных мира сего?! Будет тебе и седина, и пустота в глазах, и тягомотные мысли о бесцельно прожитой жизни. И очень скоро, поверь! Да ведь сам напросился.

Под снимками находилась подробная справка.

Пробежав ее глазами, я вздохнул: она не содержала ничего такого, чего бы я уже не знал о Касаеве от КЭПа. Стоило ли вообще устраивать эту забавную встречу на вокзале?

Итак...

«Касаев Игорь Анатольевич, 52 года, выпускник отделения журналистики ЛГУ... Даровит... Лауреат... Пользуется авторитетом... Пишет по утрам („жаворонок“)... Высокого мнения о своих способностях, горяч и задирист, самолюбив и обидчив... Остро реагирует на малейшую критику... Склонен к употреблению алкоголя, много курит...»

Да-а, составителю справки не откажешь в чувстве юмора. Вот троглодит! Да кто же из журналистов не самолюбив, кто не обижается на критику, кто не пьет и не курит?!

«Женат... Жена — Лариса Борисовна, 49 лет, по образованию филолог, переводчик с английского, временно не работает...

Дочь Яна, 22 года, студентка Ветеринарной академии, не замужем...

Теща — Зинаида Германовна, пенсионерка...»

Ладно, это можно пока пропустить.

Привязан к семье, интимных связей на стороне не имеет... Хм!

Я перечитал справку внимательнее и выудил-таки из нее кое-что, наводящее на интересные размышления.

Подрабатывает в других изданиях, обычно под псевдонимами — «Игорев», «Анатольев», «Ларин», «Янов»... (Прозрачно-с!) «Левые» гонорары, как правило, пропивает, после чего испытывает острое чувство вины перед домашними. В периоды безденежья посещает самые дешевые распивочные, не брезгуя разливным портвейном, но, едва в кармане заводятся лишние десять тысяч, спешит пображничать в кафе Дома журналистов на Невском, 70.

Ага! Есть одна зацепка!

Мне вдруг подумалось, что составлял эту справку человек, близко знающий Касаева. Скорее всего, кто-то из сотрудников редакции, даже из числа приятелей, с кем он пропускает в прокуренной пивнушке по рюмочке, толкуя «за жизнь» и раскрывая душу. Любопытно, сколько ему заплатили, этому господину осведомителю? Не продешевил ли?

Затем я пробежал по диагонали несколько статей Касаева. Это были крупные, большей частью аналитические материалы на самые разнообразные темы — от размышлений по поводу

очередного президентского указа до криминальных сюжетов. Профессионализм автора не подлежал сомнению. Виртуоз пера, этакий матерый газетный волчара. Писал он легко, играючи, не упуская возможности поерничать.

Не составляло большого труда заметить, что Касаев охотно использует фольклор, причем не набившие оскомину сентенции типа «Ученье — свет», а весьма оригинальные и малоизвестные присказки, которые всегда попадают в яблочко. Чувствовалось, что тут не просто прием, тут — удовольствие души.

Вот и вторая зацепка. И, к сожалению, последняя.

Захлопнув досье, я швырнул его на диван и задумался.

Что же такое знает Касаев о КЭПе? А ведь знает. Что-то потаенное, сокровенное, о чем КЭП не решился сказать даже мне, одному из самых доверенных своих лиц. Мой босс летает высоко и собирается воспарить еще выше, у него стальная хватка и крепкие нервы, но я же видел, видел в глубине его глаз сполохи тщательно скрываемой тревоги, когда он говорил о Касаеве, своем друге молодости. Касаев имел убийственный компромат на КЭПа, который мог помешать тому в предстоящей предвыборной гонке, некую диктофонную пленку. КЭП далеко не ангел, я знаю о многих его неблагоприятных делишках, как и о том, что никакие комиссии, никакие разоблачения ему не страшны, ибо он загребает жар чужими руками. КЭП пережил два покушения, но и тогда я не замечал в нем той лютости, с которой перед этой поездкой он натравлял меня на Касаева. Но одно я понял ясно: Касаев не только владеет компроматом, он знает, когда и как его запустить, и, похоже, настроен решительно.

Невероятно, но наш неустрашимый орел остерегается задиристой пичуги...

Впрочем, не будем торопиться с выводами. Всему свое время. У меня есть несколько золотых правил. Не надо отступать от них, тем более что они всегда приносили успех. Итак, завтра я познакомлюсь с Касаевым и начну обволакивать его тончайшей, но прочной паутиной, рыть для него волчью яму, куда он вскоре и угодит. Предварительный план у меня уже сложился. Но это — на завтра. Сегодня же надо подготовить диспозицию.

Я придвинул телефон и набрал московский номер.

— Слушаю, — послышался хриловатый голос Старика, правой руки КЭПа.

— Добрый день! Питер на проводе, это я.

— А-а, привет! Добрался нормально?

— В лучшем виде.

— Приступил?

— Осматриваюсь.

— Клиента видел?

— Рано. Встречу надо подготовить.

— Что требуется?

Старик, как всегда, лаконичен и деловит. Как всегда, на месте. Иногда мне кажется, что он не только не спит, но даже не отлучается в сортир. Старик — главный диспетчер нашей команды. Кряжистый, вальяжный в свои восемьдесят лет, с багровой физиономией, обрамленной жестким ежиком совершенно белых волос, стриженных под полубокс (этой прическе, по его словам, он не изменял с юности), в свежей сорочке с расстегнутым воротом, с зажатой в фарфоровых зубах беломориной (еще одна дань юности), Старик ассоциируется с живым вечным двигателем, созданным природой вопреки всем законам физики. Он держит в голове досье на всю нашу элиту: политическую, деловую и творческую. Не помню случая, чтобы Старик опростоволосился. КЭП доверяет ему как себе. Уверен, что он посвятил Старика в тайну касеевского компромата и даже испрашивал совета. Готов биться об заклад, что именно Старик у меня обязан этой поездкой. Ну да ладно, мое время еще впереди...

— Завтра около четырех клиент должен получить скромный гонорар, — сказал я. — Тысяч сто пятьдесят. Якобы с радио, за использование публикаций. Только без накладок. Все должно выглядеть натурально...

— А как же иначе, голубчик? — прохрипел Старик, и я понял, что он все организует в лучшем виде.

— Позвоню завтра после четырех. Всех благ!

— Бывай!

Закончив разговор, я снова открыл папку и всмотрелся в фотографию Касаева.

КЭП уже пытался решить дело полюбовно и подсылал к нему человека с предложением о выкупе. В детали меня не посвящали, но сам факт моей командировки означает, что сделка не состоялась. А ведь этому газетеру, у которого не всегда наскребется в кармане на пачку приличных сигарет, сулили, наверняка, золотые горы. По крайней мере, дороже никто не дал бы. КЭП умеет быть щедрым, этого у него не отнимешь. Почему же Касаев отказался? Глазато у него смышленные... Еще одна загадка.

Однако же пора осмотреться.

Я сунул досье в «дипломат», оделся и вышел на улицу.

День был погожий, прозрачный. Вообще, сентябрь в Питере — по-моему, лучшая пора. Листва еще зелена, солнце ласково, ветер с Балтики легок и игрив... По крайней мере, всякий раз, когда я оказывался здесь в сентябре, погода благоприятствовала и делам, и отдыху, и любви.

Кстати, о любви. Надо бы вечером заглянуть в какой-нибудь приличный бар и обзавестись симпатичной и покладистой подружкой на предстоящую неделю. Обязательно с квартирой. Впрочем, подойдет и комната в коммуналке. Кроме эмоциональной разрядки, мне крайне необходимо устроить временный тайник, о котором не подозревали бы ни КЭП, ни Старик. Я ведь тоже дальновидный...

Вглядываясь в лица и фигуры встречаемых женщин, я незаметно дошел до Литейного.

Где-то неподалеку должен находиться большой книжный магазин, если только его не переделали под какой-нибудь «Макдоналдс». Нет, еще не успели. И народу у книжных полок толпится немало. Не перевелись еще в Северной Пальмире любители словесности.

Выбрав с полдюжины сборников пословиц и поговорок, я наугад раскрыл один из них и прочитал: «Не ищи беды, беда сама тебя сыщет». Вот это верно!

Ну а теперь — в Дом журналистов, благо до него рукой подать.

* * *

Кафе, где, судя по досье, любил похаживать Касаев, выглядело по-домашнему уютным. Треть небольшого зала занимала стойка, вдоль стен стояли столы и легкие кресла, а справа от входа красовался затейливый камин.

Беглым взглядом я окинул присутствующих. Чем черт не шутит, а вдруг Касаев здесь? Но обошлось без сюрпризов.

Посетителей было немного, видимо, час пик еще не наступил.

За низеньким столиком у камина ворковала парочка, с левой стороны веселилась разношерстная компания, а в дальнем углу в одиночестве скучала броская брюнетка. Она вертела в руках бокал, не сводя с него нахмуренного взгляда. Пепельница перед ней была полна окурков. Рядом лежала пачка сигарет, кажется американских, и зажигалка.

Остановившись у стойки, я углубился в изучение меню, продолжая боковым зрением наблюдать за брюнеткой. Интересная женщина, что и говорить. Пожалуй, чуть за тридцать. Правильные черты лица. Красивые зеленые глаза, яркие губы. Элегантный костюм цвета морской волны... Но что-то подсказывало, что она знала лучшие времена.

Меня она, кажется, даже не заметила. Вот поднесла бокал к губам. Там-то и было на донышке, но она сделала полглотка и со вздохом отставила его. Потянулась к пачке, пошарила

в ней длинными пальцами и извлекла последнюю сигарету. Нервным движением сунула ее обратно. Последний глоток, последняя сигарета... Очевидно, ей не хотелось уходить отсюда, но денег на продолжение не было. Возможно, она ждала, что появится кто-нибудь из знакомых, у кого можно перехватить до завтра или до понедельника. По всему чувствовалось, что она здесь не случайный посетитель, а завсегдатай.

Отчего бы не подействовать даме, которая к тому же наверняка имеет отношение к журналистике, а значит, располагает полезной для меня информацией?

Я взял бутылку «Белого аиста», шоколадку поцветастее и пакетик фисташек. Запас сигарет был у меня в «дипломате».

Приблизившись к ее столику, я осведомился с подкупающей галантностью:

— Извините, я вам не помешаю?

Видимо, я оторвал ее от тягостных раздумий. Она исподлобья зыркнула на меня.

Ну и что же она могла увидеть? Импозантного сорокачетырехлетнего мужчину в расцвете сил, хорошо сохранившегося, с открытым взглядом серых глаз и высоким лбом интеллектуала. Выражение моего лица располагало к доверию, на таком лице невозможно представить ни гадливой ухмылки, ни пошлой гримасы. Несомненно, в мою пользу играли дорогой костюм с искоркой, модная сорочка и безупречный узел галстука. Бутылка хорошего коньяка и лакомства завершали картину.

— Садитесь. — Она пожала плечами и решительно закурила — последнюю.

Я расположился напротив, достал из «дипломата» и бросил перед собой пачку «Кэмел», затем принялся неторопливо откупоривать бутылку.

Она как замороженная, опять же исподлобья, наблюдала за моими действиями.

— Здесь очень мило, — улыбнулся я:

— Что-то я вас не припомню, — сощурилась она.

— Естественно. Я только сегодня прилетел из Забайкалья. Города не знаю абсолютно, знакомых — никого.

— Зачем же было прилетать?

— Неисповедимы пути бизнесмена, — вздохнул я.

— Так вы бизнесмен?

— Вы недалеко от истины.

— Ну и что же вы, господин бизнесмен, делаете в журналистском стане? — Она умела быть колючей.

— О, у меня весьма деликатная миссия, — повел я свою партию. — Фирма «Ингода», где я один из заместителей генерального директора, намерена внедриться на северо-западный рынок. Я должен организовать широкую рекламную кампанию нашей продукции. А для начала узнать, какие газеты Питера действительно пользуются популярностью в деловых кругах. Вот и решил зайти сюда, авось кто-нибудь даст добрый совет. Вы, например?

В ее миндалевидных глазах вспыхнули алчные огоньки.

— А как насчет комиссионных?

— Без проблем. У меня самые широкие полномочия.

Наконец-то я увидел, как она улыбается.

— Тогда вам здорово повезло, таинственный незнакомец. Питерскую прессу я знаю вдоль и поперек.

— О! — Я прикинулся потрясенным. — Я вообще-то человек везучий, но на такую фантастическую удачу не рассчитывал. Знаете что? Давайте немедленно познакомимся. Черных Дмитрий. — Я склонил голову, затем протянул ей визитку с золотым тиснением по синему полю, один вид которой снимал все сомнения. — Для вас — просто Дима.

— А я — просто Алевтина. Аля, если хотите.

— Замечательное имя! Великолепно подходит к цвету ваших глаз. Однако же есть повод для тоста. За знакомство, Аля! — Я наполнил бокалы, затем развернул шоколадку и надорвал пакетик с орешками. — Кстати, возьмите сигареты.

Она не колебалась:

— За знакомство! — и выпила до дна.

— Если меня не подводит интуиция, вы работаете в одной из крупных газет, — льстиво предположил я.

— А! — Она сделала гримаску. Видимо, тема была ей неприятна. — Сейчас я временно на мели. Но это неважно. Я знаю всех...

Я прикинул: стоит ли выводить разговор на «Невскую радугу», а затем и на Касаева? Возможно. Но без форсажа. Сначала девушку надо хорошенько угостить.

Я снова наполнил бокалы.

— Аля, мне доставляет огромное удовольствие поднять бокал за вашу красоту и женственность.

Она усмехнулась со скрытой грустью:

— Красота, женственность... Все в прошлом. Но — спасибо за комплимент. Я тронута.

— Вы несправедливы к себе, Аля. Никакой комплимент в ваш адрес не будет преувеличением.

Мы выпили — она опять до дна.

Пора пристегивать ее покрепче.

— Знаете, Аля, я недавно с самолета и зверски проголодался. Как вы посмотрите на более плотную закуску?

— Не откажусь от бутерброда с ветчиной. Или с рыбой...

— Что значит — «или»?

Через несколько минут на столе стояли две порции жареных цыплят и целая гора бутербродов.

На отсутствие аппетита моя новая знакомая пожаловаться не могла.

Вскоре мы прикончили бутылку, и я взял вторую. Вообще-то я мастер по части спаивания женщин, но Алечка оказалась исключительно крепким орешком. Она пила втрое больше, но меня не покидало ощущение, что она — ни в одном глазу. Правда, к середине второй бутылки мы перешли на «ты». Я вскользь забросил удочку относительно «Невской радуги», но Алевтина отмолчалась, а повторяться мне не хотелось. Успеется.

Между тем кафе постепенно заполнялось. Заходили старые зубры и начинающие репортеры, фигуристые красотки и оплывшие дамочки, задумчивые очкарики и бравые морячки. Одним Алевтина кивала, от других демонстративно отворачивалась, временами хлестко комментировала:

— Видишь того типа? Считает себя королем информации, а сам бездарь. А боровичок в углу? Похаживает в сауну сразу с двумя шлюшками. А те трое парней — обыкновенные мордороты...

Я тоже внимательно наблюдал за входящими, но со своей колокольни. Будет некстати, если сейчас вдруг нарисуетя Касаев. К счастью, он так и не появился. Видимо, переживал очередной финансовый кризис.

Пару раз Алевтина отлучалась, и, когда она шла по проходу, я мог убедиться, что Бог хорошо потрудились над ее фигуркой. Впрочем, многие провожали ее масляными взглядами. Наверняка на ее счету немало любовных историй и она посвящена в закулисную жизнь питерской журналистики. Да, эта женщина может оказаться полезной. Вот только не знаю, удастся ли ее спойть. Удивительная выдержка! А ведь уже и вторая бутылка заканчивается. Правда, кое-какой прогресс намечился. Наша беседа становилась все более откровенной.

После очередного тоста она долго смотрела мне в глаза.

— Я тебе и вправду нравлюсь?

— А что говорит твое женское сердце?

— Что ты не отказался бы забраться в мою постель.

— Оно удивительно прозорливо.

— А ты чертовски хитер.

— Помилуй! Я не умею хитрить с женщинами, особенно с такими обворожительными.

Она сжала мою руку:

— Ну так поехали...

— Куда?

— Ко мне. Ты хочешь?

— Спрашиваешь!

— Но учти: прибраться я не успела.

— Неважно... Посиди минутку. Надо прихватить что-нибудь с собой.

Когда мы вышли на Невский, было около одиннадцати. Проспект выглядел пустынным, лишь редкие парочки да одинокие прохожие торопились к метро.

— Куда едем? — уточнил я.

— На Бухарестскую.

Остановилась первая же машина. В салоне Алевтина прижалась ко мне, и мы крепко поцеловались.

Поездка пролетела незаметно...

Наконец мы остановились у девятиэтажки, растянувшейся на целый квартал.

— Кстати, какие сюрпризы ожидают меня в твоей обители? — поинтересовался я, когда мы двинулись по тротуару. — Бабушка, дочка, свирепый пес?

— Никаких! — Она встряхнула копну своих темных волос. — Сынишка у предков в Колпино, бывший муж греет задницу на Кипре, ну, а если появится кто из любовников, спустишь его с лестницы сам.

— Договорились. Кстати, как зовут сынишку?

— Сашенька, Алик.

— Сколько ему?

— Шесть. На будущий год в школу.

— В следующий раз я привезу для него подарок. Он такой же красивый, как мама?

— Ну, ты мерзавец! — Она, смеясь, потянулась ко мне и чувствительно куснула за мочку уха. — Слушай, я тебя хочу!

Когда, поднявшись на третий этаж, мы оказались у ее дверей и она не сразу угодила ключом в замочную скважину, я понял, что напрасно переживал по поводу ее выдержки.

Ну вот наконец мы вошли в темную прихожую. Алевтина нащарила на стене выключатель. Вспыхнул свет.

Сбросив туфли, она босиком прошлепала на кухню, включив свет и там, а попутно — в комнате и совмещенном санузле. Затем рывком выдернула вилку телефона:

— Пусть катятся ко всем чертям...

Вплотную подойдя ко мне, она забросила мне руки на плечи и поцеловала долгим-долгим поцелуем.

— Покури пока. И поставь чайник. Сделай кофе. А я ополоснусь.

Она исчезла за узкой дверью. Оттуда слышался шум воды, на который накладывалось пение хозяйки дома.

Я огляделся.

Квартира была миниатюрной. Встав в коридоре у стены и вытянув руку, я без усилий дотягивался до противоположной стены. В комнате, как и предупреждала Алевтина, было неприбрано: постель смята (судя по положению единственной подушки, спала моя новая зна-

комая в одиночестве — по крайней мере накануне), дверца шкафа приоткрыта, со спинок стульев свешивались предметы дамского туалета, на столе — пепельница, полная окурков.

Я прошел на кухню. Здесь было опрятнее, если не считать второй пепельницы, переполненной даже не окурками, а наполовину выкуренными сигаретами и даже едва зажженными, но сломанными, смятыми нервной рукой.

Я заглянул в холодильник: одно яйцо, два сморщенных огурца, подвявший пучок зелени и блюдо с крохотным параллелепипедом масла. В подвесном шкафчике я обнаружил полупустую пачку чая, соль, немного гречки и два пакетика супа... В банке растворимого кофе порошка оставалось на самом доньшке.

Черт побери, неужели она и впрямь бедствует?

Я разыскал чистые тарелки и разложил на них привезенные бутерброды. Так, где у нее стопки?

Едва я закончил приготовления, как появилась Алевтина, кутаясь в махровый халат.

Бывает, что, смыв косметику, женщина лишается половины своего шарма. Однако, к чести Алевтины, душ даже омолодил ее. Во всяком случае, выглядела она весьма притягательно.

Заметив полную рюмку, она, не садясь, выпила и улыбнулась мне:

— А знаешь, Дима, я все еще стою двести долларов.

— Гораздо больше!

— Ты не понял! — Она игриво топнула ногой в пластиковом шлепанце. — Я хотела сказать, что я еще ничего. Мужики на меня облизываются. Так-то, милый! — Она зазывно запрокинула голову. — Видел там, в кафе, остроносого типа с бородкой?

Честно говоря, я не запомнил, но кивнул.

— Ну, такой, с гнусной рожей? Пятый год меня обхаживает. Одно мое слово — на коленях приползет. Ноги целовать будет. — Она вдруг стукнула кулачком по столу так, что посуда подпрыгнула. — Не дождется, гад!

Алевтина покачнулась.

— Конечно, — согласился я. — Ты так прелестна, что сама можешь выбирать.

— А что мне остается?! — вдруг взорвалась она. — Из меня сделали шлюху, элементарную б...дь! Ты понимаешь?! Суки! — В ее глазах заплясали сумасшедшие огоньки. — Сманили в новую газету, наобещали золотые горы, а та возьми и лопни! Что же мне теперь — в многотиражку идти?! Падлы паскудные! А жрать-то надо! А одеваться?! А отдохнуть хотя бы пару недель от этого бардака? А Сашенька? Твари! Ну почему я такая невезучая?! За что?! — Она уронила голову на скрещенные руки и зарыдала, содрогааясь всем телом.

Вот они, запоздалые плоды моего коварного угощения.

Я погладил ее по влажным волосам, по гибкой спине.

— Успокойся, Аля. Все будет хорошо. Я тебе помогу...

Я уговаривал ее как маленькую, и постепенно она затихла.

— Аля, милая...

— Милая? — Она вдруг резко оттолкнула меня, затем вскочила из-за стола и сбросила халатик, швырнув его на подоконник. — Двести долларов за милую! — Провела ладонями от бедер до аккуратных грудей, приподнимая их и сводя вместе. — За удовольствие надо платить! — В ее зеленых зрачках читалась откровенная враждебность.

— Хорошо, — сдержанно отозвался я. — Ты их получишь. Но я ухожу.

Она опять покачнулась, затем пристально посмотрела на меня, будто узнав только сейчас.

— Налей мне еще.

— С тебя довольно.

— Нет, прошу!

— Налъешь сама. — Я потянулся за «дипломатом». — Сейчас ты получишь свой заработок и попрощаемся.

Вдруг в мгновение ока она сказалась рядом и устроилась у меня на коленях, обвив мою шею руками.

— Милый, ты не так понял, — дразняще прошептала в самое ухо. — За деньги я трахаюсь для Сашеньки. Но если мне кто понравится, как ты сегодня... Я ничего не прошу, кроме ласки. Сегодня я твоя. Без всяких условий. Вся-вся... — Извиваясь, она принялась тереться о мою грудь.

— Я ведь не святой.

— Милый, ну же... — Ее горячие, настойчивые руки выдернули мою рубашку из брюк. Я понял, что остаюсь.

— Иди в комнату. Я сейчас...

Однако привычка принимать перед постелью душ на сей раз сослужила мне дурную службу.

Когда через три минуты я вошел в комнату, Аля крепко спала в позе грациозной кошечки.

Я укрыл ее простыней, поправил подушку и вернулся на кухню. Закуску убрал в холодильник, а на столе оставил несколько крупных купюр. Пусть купит себе какую-нибудь обнову.

Затем еще раз прошелся по квартире. Можно ли устроить здесь тайник, о котором не догадывалась бы и Алевтина? Наверное, можно. Но сначала предстоит выяснить, а что, собственно, надо прятать.

Один из замков был английский, и я попросту захлопнул входную дверь за собой. Надеюсь, нынешней ночью никто не вознамерится грабить эту квартиру.

На улице я оказался за полночь. Многие окна горели, отчего ряды домов походили на караван морских лайнеров, замерших до рассвета. Помаявшись на обочине с четверть часа, я поймал частника и благополучно добрался до гостиницы.

Пошли вторые сутки моего пребывания в городе на Неве.

Среда, 20 сентября

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Всю первую половину дня я готовился к встрече с Касаевым. Еще та морока.

В свежем номере «Невской радуги» публиковалась статья моего подопечного, озаглавленная «Все флаги в гости будут к нам?» (с вопросительным знаком). Она занимала подвал на второй полосе и посвящалась возможному выбору Санкт-Петербурга в качестве места проведения Олимпиады-2004.

Я проштудировал ее самым внимательным образом.

Касаев размышлял: выиграет город или потеряет, став хозяином всемирной спортивной тусовки? По его мнению, плюсов было больше. Как говорится, игра стоила свеч.

Затем я взялся за купленные вчера сборники пословиц и поговорок. Выбрал десятка три самых звонких и заучил их назубок, да еще пометил с полсотни — на будущее, если возникнет такая нужда.

Оставалось мысленно прокрутить возможные варианты.

По моим прикидкам, Касаев должен появиться в кафе около пяти (или я ничего не смыслю в людях).

Ну да, в четыре он получит свалившийся с неба гонорар, о чем его, вероятно, предупредили по телефону утром, а может, даже вчера вечером (наш Старик отличается оперативностью). Значит, сейчас Касаев сидит в своем кабинете и, томясь, дожидается заветного часа. Его даже грызут сомнения: а вдруг это чей-то розыгрыш? Но ровно в четыре перед ним возникнет некий клерк (возможно, тот самый, что передал мне досье), отрекомендуется представителем

какого-нибудь радио, туманно объяснит причину своего визита и вручит сто пятьдесят «тонн», попросив расписаться в ведомости. Через две минуты после ухода «посыльного» в душе Касаева проклянется маленький червячок, который через четверть часа превратится в огромного змея, изнывающего от жажды. Еще через четверть часа Касаев доложит своему редактору, что ему срочно нужно бежать на деловую встречу, о которой он договаривался целую неделю.

Значит, около пяти он приземлится за одним из столиков кафе Домжура. Если только составитель справки дал точную информацию. Но сомнений на этот счет у меня не возникало.

Занимало другое: что, если Касаев придет с приятелями? Маловероятно, но следовало иметь решение и на этот случай.

Еще одна проблема — Алевтина. Появившись в кафе, она может невольно расстроить мои планы. Тем более что я не знаю ее взаимоотношений с Касаевым. Мне будет спокойнее, если красотка проведет сегодняшний вечер дома. Однако не будем полагаться на авось. Ибо, как гласит народная мудрость, «держался авоська за небоську, да оба упали».

Я посмотрел на часы: два с минутами.

Полагаю, Она уже отоспалась. Надеюсь также, что не забыла включить телефон. Что она сейчас делает? Силится вспомнить, с кем поднабралась вчера? Или же гадает, была ли ночью любовная схватка и не грозит ли это последствиями?

Накручивая диск, я вдруг ярко представил, как она расхаживает по ковру нагишом, и ощутил острое желание немедленно, прямо сейчас оказаться рядом с ней. Понадобилось нешуточное усилие, чтобы совладать с непрошеными эмоциями.

Пошли длинные гудки. После шестого или седьмого она сняла трубку.

— Да-а...

— Здравствуй, Алечка! — заворковал я. — Это Дима. Как ты? Головка не бо-бо?

— О Господи, Дима! Ну куда же ты исчез?! — Голос звучал тепло и чуть смущенно. — Мне так неловко... Наверное, я наговорила лишнего? Но ты сам виноват — напоил бедную девушку.

— Ты так сладко спала, что я не осмелился тревожить твой сон. Ну а провести ночь рядом со спящей царевной — слишком тяжелое испытание. Я предпочел удалиться.

Она успокоилась. Я услышал ее мелодичный смех и поинтересовался:

— Какие планы?

— Ну какие могут быть планы?! Димка! По мне будто асфальтовый каток проехал. Сейчас заберусь в горячую ванну, а после опять завалюсь спать. Ты... приедешь?

— Обязательно, если не возражаешь. Но позже.

— Когда?

— Давай прикинем. В шесть у меня важная деловая встреча. Сколько она продлится, не знаю. Может, час. Может, три. Не исключено, что придется немного пображничать. Но как только закончим, тут же примчусь.

Ориентировочно — между девятью и десятью. Если возникнет заминка — постараюсь позвонить. Будешь ждать?

— Да... Обещаю быть ласковой.

— И неотразимой?

— Ну конечно!

— Я привезу что-нибудь вкусненькое.

— Дима, холодильник и без того полон.

— Ничего... На меня любовь нагоняет зверский аппетит. Я тебя целую.

— А я тебя.

Ну вот, теперь мои руки развязаны.

* * *

К randevу с Касаевым я оделся попроще: ширпотребовские брюки, темная практичная сорочка, демократический пиджак в крупную клетку. Тот же стиль, что и у моей жертвы на фотографиях.

Поднимаясь по ступенькам, устланным ковровой дорожкой, я мысленно сосредоточивался, настраиваясь на нужную волну. Надо сыграть провинциала, но далеко не простоватого, знающего себе цену и в то же время видящего в творческой интеллигенции, во всяком случае в лучших ее представителях, элиту нации. А главное — предельная искренность. Во всем, что я буду сегодня говорить, не должно промелькнуть ни единой фальшивой нотки. Открытость, порядочность, честность... Мне ли, предпринимателю из глубинки, полу задушенному налогами и рэкетом, хитрить с такой пронизательной личностью, как Касаев?

Я как в воду глядел, выбравшись сюда пораньше. В Домжуре проходила какая-то конференция, и часть ее участников переметнулась в кафе. За столиками теснились шумные компании, зато, на мое счастье, освободился небольшой столик, рассчитанный на две персоны. За ним я и приземлился, тут же забросив на второе кресло свой «дипломат». Сделав скромный заказ — сто граммов бренди и бутерброд с колбасой (нечего мне выпендриваться перед известнейшим журналистом), я достал из «дипломата» номер «Невской радуги» со статьей Касаева и положил ее сбоку от себя. Ну вот, орудия к бою готовы. Остается ждать сигнала.

Время шло, Касаев не появлялся.

Пять минут шестого, десять, пятнадцать... Его нет и нет. Неужто мой расчет не оправдался?

Между тем на второе кресло за моим столиком покушались уже несколько раз. Я отвечал с виноватой улыбкой, что жду товарища, и придерживал его рукой. Пришлось даже отказать пышнотелой голубоглазой шатенке, с которой при иных обстоятельствах я охотно свел бы знакомство. Она сделала недовольную гримаску и отошла к стойке, повернувшись ко мне спиной. Весьма, кстати, недурственной...

Я смаковал свое бренди по глоточку, постепенно свыкаясь с мыслью, что сегодняшний день потерян.

И тут вошел Касаев.

Я ср

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.